

СОДЕРЖАНИЕ

Поля	7
Больница	18
Все врут!	29
Воспитатель	31
Ошибка пилота	33
Давнишние секреты	46
На добрую память	53
Ох!	57
И будет все, как я хочу	75
Облом	96
Творчество больных, их родственников и лечащих врачей (с сохранением оригинальной транскрипции)	101
Чудо, которое всегда с тобой. Повесть.	128

Литературно-художественное издание

Найдин Владимир Львович

ДИАГНОЗ

ЗАПИСКИ ВРАЧА

Ответственный редактор Ю. Качалкина
Редактор А. Мирошкин
Художественный редактор Е. Гузнякова
Технический редактор Н. Носова
Компьютерная верстка С. Кладов
Корректор И. Гончарова

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 17.03.2010. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Прагматика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,76.
Тираж 7100 экз. Заказ № 2166.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Сайт: www.oaompk.ru тел.: (495) 745-84-28 (49638) 20-685

ISBN 978-5-699-40156-7

9 785699 401567 >

ПОЛЯ

У меня была дальняя родственница Поля. По моим детским воспоминаниям, еще до войны она была старушкой. Хотя теперь я понимаю, что ей было чуть больше пятидесяти. Родная сестра моего любимого дядьки Мориса. А Морис был мужем Неси — маминой сестры. Она меня растила вместе с мамой и любила как своего сыночка. Неся так и говорила: «Сыночка». От нее пахло уютом, теплом и сельдереем. Я тогда был к нему равнодушен, а теперь обожаю. Натираю, шинкую, добавляю в любой суп или бульон. Аромат из счастливого детства.

Зато от Поли пахло корицей. Она была невысокого роста, подслеповатой и все время теряла большие тапки без задников. Они слетали с ее маленькой ножки и скользили по натертому паркету. Чаще всего под диван. Она жалобно вскрикивала, как ночная птичка, а я хватал свою детскую удочку, плюхался на живот и шуровал под диваном, стараясь подцепить беглянку. Поля осторожно вставляла в нее ногу, что-то бормотала на непонятном мне языке (оказывается, это был идиш), а я внимательно рассматривал ее отечные лодыжки с

красными точечками. Они были абсолютно непохожими на стройные мамины ноги. Я удивлялся — почему они такие?

Поля, как и Морис, происходила из маленького местечка в Румынии. Бежали в Аргентину всей многодетной семьей — от еврейских погромов в начале века. Отец был портным и выучил детей портняжному ремеслу. Поля могла выкроить и сшить любое изделие — от панталончиков и сарафанов до модного платья и мужских брюк. Но, конечно, в основном она ремонтировала одежду — перелицовывала, укорачивала, ставила изящные заплатки на протертых местах, на попе, коленках, локтях. Все пространство вокруг нее на вытянутую руку было завалено обрывками ниток, лоскутами, какими-то шнурочками и резинками от трусов. У нее всегда имелось два сантиметра — один прятался в тряпичном хламе, а второй висел на шее. Они постоянно терялись, но быстро находились, и тут же снова загадочно исчезали. Она тихонько шептала еврейские проклятия, не грубые, наверно что-то вроде «чтоб вам пусто было», и продолжала работу.

Когда Мориса, ее младшего брата, выслали из Аргентины за анархические, как казалось властям, бредни, Поля собрала немудреные вещички и отправилась с ним в Италию. Морис устроился обойщиком в театр «Ла Скала», увлекся оперной музыкой и Верди чуть ли не больше, чем анархизмом и Бакуниным. А Поля

в эти высокие сферы не вступала, обшивала задешево темпераментных итальянцев. Говорила с ними кое-как на румынском, а по-итальянски с подачи Мориса выучила: «Не размахивайте руками» и «Стойте смирно».

Потом беспокойного брата отправили во Францию на завод Рено, и Поля выучилась по-французски: «Да, месье. Нет, мадам. Обязательно исправлю, мадемуазель». А на идиш говорила: «Крохоборы и зануды». Когда Морис с головой погрузился в море бурных событий Гражданской войны, сначала на Дальнем Востоке, а потом на польском фронте, Поля осела в Киеве. Вышла за киевского портного, человека доброго, неторопливого и надежного. Как и сама Поля. У мужа был один недостаток — имя Адольф. Но в те годы никто, слава Богу, не знал другого Адольфа, а Поля звала мужа Адиком. Вскоре родилась дочка. По желанию отца-романтика ее называли Авророй. Она росла крепкой, веселой девчонкой.

Адольф набрал много портняжных заказов. В семье появился кое-какой достаток, Поля тоже немного шила, но потом устроилась воспитателем в детский садик. По тем временам он назывался «Очаг». Там же работала и Неся, устроив к себе свою старшую сестру Басю и младшую — Женю, мою маму. Анархистка Бася, суровая и решительная, с короткой жесткой прической, только благодаря революции вернулась из сибирской ссылки, но через короткое

время снова была отправлена. В те же края. Уже Советской властью. Чтоб народ не баламутила зря. Выяснилось, что у нее была партийная кличка «Моисеевна». Народ в садике воспринимал ее как отчество и прилепил его самой Несе. Потом это «перетекло» в паспорт, и моя любимая тетка до конца жизни оставалась Несей Моисеевной.

Моей маме тогда было 15 или 16 лет, она родилась в 1906 году. Часто и тяжело болела — горло, сердце, туберкулез. Несея ее поддерживала, приводила врачей, мама не сдавалась, росла веселой, неунывающей и весьма язвительной особой (на всю последующую жизнь). Когда подружилась с Полей, стала ее мужа Адика звать «адиотиком», озорничала. Поля не сердилась, а добродушно посмеивалась. Мама вступила в комсомол, охотно ходила на собрания, обсуждала «текущий момент». Любила книги и обожала коллективное пение. Время было такое. Заодно познакомилась с моим будущим отцом.

После неудачной попытки завоевать Польшу (под руководством Тухачевского) раненый и контуженный Морис приехал в Киев. Поля немедленно познакомила своего любимого брата с Несей. Несея в те годы была чудо как хороша. У Мориса получилась семья. В любви и согласии родилась дочка, моя сестра Мурка. Поля была счастлива.

Когда Морис с Несей и дочкой поехали в ко-

мандировку в Аргентину, Поля очень волновалась и говорила: «Зачем дразнить гусей?» Но Морис такие вопросы решал самостоятельно. Поля жадно слушала его рассказы об аргентинской родне. Потом брат с семьей перебрались в Ленинград, а оттуда в Москву. Поля оставалась в Киеве. Но очень часто приезжала погостить. Вот с этого времени я ее и помню.

Она любила печь еврейские пироги — с маком, с корицей. Назывались они «штрудель». К сожалению, ей никак не удавалось приспособиться к незнакомой газовой плите, и пироги постоянно пригорали. Она отковыривала пригоревшие места, съедала их и смущенно говорила: «Я люблю гогхрелое». Очень сильно картавила. Черные крошки-угольки оставались на ее губах. Поля удрученно качала головой и шаркала своими безразмерными тапками на кухню, чистить противень. Она была очень опрятной старушкой. Простой домашний халатик в голубую крапинку как-то особо уютно облегал ее покатые плечи и пухлую спинку.

А потом случилась трагедия — 22 июня 1941 года. Киев жестоко бомбили, люди прятались в подвалах. Уже в первую неделю войны Адольфа вызвали в районное отделение киевской милиции. Допрос был каким-то странным. Не милиционеры, а сотрудники НКВД, с красными от бессонницы глазами, раздраженно выясняли, почему он носит такое паршивое немецкое имя, есть ли у него родичи в Германии

и где он прячет мощный карманный фонарик, которым можно подавать сигналы фашистским самолетам.

Задыхаясь от волнения и папиросного дыма, который столбом поднимался от непрерывно куривших энкавэдэшников, Адольф отвечал, что имя ему родители дали еще в прошлом веке, когда имена Адольф, Альфред, Эрик считались романтическими и брались из опер, поэм и романов. Никаких родственников в Германии у него нет, так как вся семья происходила из Румынии (как и у Поли). А из всех инструментов он имеет лишь ножницы, мелкие иголки и булавки, так как всю жизнь был портным. Еще есть сантиметр и лекала для модных брюк.

Сотрудники не поленились и съездили на квартиру, обыскали с усердием, но ничего подозрительного не нашли. Выяснили, что дочку зовут Авророй. «В честь легендарного крейсера?» — смекнул главный «обыскант». — «Нет, — отвечала правдивая Поля, — муж назвал так в честь римской богини утренней зари». — «Богини, да еще и римской? — удивился атеистически настроенный человек. — Он что у вас, с придурью?» Поля промолчала. В доме еще обнаружился трехлетний внук, со светлыми кудряшками и в сандалиях. Его звали Валериком. «В честь Валерия Павловича Чкалова», — с гордостью сказала «богиня утренней зари», а малыш расставил ручки и зажужжал как самолет. Поисковая группа плюнула и отбыла восвояси.

Семья спасла Адольфа. Его не кокнули как немецкого диверсанта, но домой он не вернулся. Отправили в город Канск. Это за Енисеем, в Красноярском крае, который, как известно, равняется четырем Франциям. «Пусть оттуда подает сигналы немцам, если будет охота», — пошутил безусловно гуманный начальник отдела. Не расстрелял же. А мог.

А вот Адольф спасти семью не сумел. Хотя Поле свидания не дали, но твердо пообещали, что муж скоро вернется. Соврали по привычке — Адольф уже вторые сутки трясся в теплушке, удаляясь в глухие восточные дали необъятного СССР. Канск был заполнен такими же подозрительными личностями. Вместо того, чтобы вывозить станки и оборудование, а еще благороднее — просто евреев (уже были известны фашистские кошмарные «художества» с евреями), удаляли с глаз долой подальше всякую сомнительную «шелупонь».

Поля, человек простодушный, принялась терпеливо ждать мужа. Добрые соседи ей говорили: «Мадам Швейцер, вам бы лучше удалиться подальше в провинцию. Попадете под оккупацию — немцы ни вас не пощадят, ни Аврорку с ребенком. Вон какие ужасы рассказывают беженцы из Львова. Будете смерти ждать». — «Дождусь Адольфа и вместе уедем», — кротко отвечала Поля.

Дождалась. Совсем другого Адольфа. В Киев вошли немцы. Сразу же откуда-то появи-

лись украинские полицаи, стали грабить и бесчинствовать. Поля их очень боялась. «Немцы все же цивилизованная нация. Они мне попадались во Франции, когда я обшивала французов. Они не такие капризные, как французы. Требуют порядок. Орднунг. Это для них самое главное. Чтоб все было чисто, гладко, аккуратно. Чтоб не морщило и соблюдался выбранный фасон. Правда, чаевых не дадут ни пфеннига, если не оговорено. Так и французы своими сантиментами не разбрасываются. Скупые. Но чтоб так легко убивать людей? Только за то, что они евреи? Не верится». Так Поля рассуждала, но тревога в душе нарастала. Соседи вспоминали, что утром она выходила с припухшими красными глазами. Ночью плакала. Старалась не показать Авроре и Валерику своей тревоги.

Наступил и проклятый день... 29 сентября 1941 года. Всех заранее переписанных евреев (знаменитый немецкий «орднунг») заставили покинуть дома и квартиры. Разъезжали машины с громкоговорителями и металлическими суровыми голосами, без всякой паники, предлагали выйти. С собой взять только ценности и документы, потому что скоро все вернутся по домам. Пройдут специальную регистрацию и вернутся.

Там, где не было радиомашин, расхаживали недавно назначенные старосты участков и через обычные спортивные рупоры, какие бывают на конных скачках, вежливо «уговаривали»

не мешкать и быстрее двигаться. Тем более, что погода была хорошей, теплой, настоящее киевское «бабье лето». Желто-золотой листопад. А хулиганов-полицейских нигде не было видно. Убрали с поверхности. Чтоб не волновали «контингент» — десятки тысяч медленно идущих людей, направляемых внезапно появившимися регулировщиками к Бабьему Яру. Это ближний пригород Киева, знакомое каждому киевлянину место.

Трудно даже представить себе чувства людей, идущих на заклание, на верную смерть. Старики шептали молитвы, молодые беспокойно осматривались, тщетно пытаясь найти какую-нибудь лазейку. По обочине дороги плотно стояли люди. Провожали колонну разными взглядами и комментариями, ох, разными — от сочувствующих и страдающих до злорадных и просто любопытных.

Только дети были беспечны. Валерка, у него домашнее имя было Атейка, это он сам себя так называл, держал за руку маму Аврору и прыгал на одной ножке, а когда ему удавалось поймать руку бабушки Поли, поджимал ноги и раскачивался, как на качелях. Как все дети, любил полет. Недаром его называли в честь Чкалова.

А дальше... Все и так знают. По краям оврага находились пулеметы, за ними как раз и лежали полицаи — кто поопытнее. Немецкая «Айнзатц-команда» использовала похвальную инициативу местного населения и получила одоб-

рение сверху, из самого Берлина. Палачи были удовлетворены «окончательным решением еврейского вопроса». В небе кружил самолет и громко играл немецкий духовой оркестр. Чтобы заглушать треск пулеметов и крики казнимых людей. Предварительно раздетых догола. Все продумано.

Так как овраг был не доверху наполнен телами евреев, то через два дня рациональные изуверы уложили туда и пленных советских солдат, и не оказавшихся достаточно лояльными поляков. Выявленные коммунисты-украинцы, оставленные для подпольной борьбы, тоже нашли там свой последний приют. Уделили место и больным психиатрических клиник. С них как раз и началось заполнение братской могилы. Лишние люди.

Вот так погибла Поля, добрый мягкий человек, не причинивший зла ни одному живому существу. А с ней и ее семья — «богиня утренней зари» Аврора и херувим Атейка-Валерка. Один Адольф, отсидев 15 лет в Канске, остался жив, но эта жизнь была ему совершенно не нужна.

«Над Бабьим Яром шелест диких трав...»

Несколько лет назад моя сестра Мурка, ей уже было за 70, поехала в Киев и прошла весь скорбный путь обреченных людей. Была годовщина казни, также стояла теплая осень, листопад, сотни людей медленно шли с зажженными свечками и отдаленно, только очень отдаленно

представляли себе чувства родных и близких, которых вели на неминуемую смерть.

Мурка вернулась опухшая от слез и ни с кем не могла разговаривать. Молчала несколько дней. Потом пошла на работу (она профессор-физиолог в детской клинике) и постепенно оклемалась. Если ее спрашивали об этом траурном марше, она снова замыкалась и смотрела на собеседника тоскливо и отрешенно. Очень было сильно потрясение.

Все молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
Я чувствую,
Как медленно седею.

Хорошо написал настоящий поэт Евтушенко.